
СЫСКНАЯ | **150 ЛЕТ НА СВЕТОЙ СТОРОНЕ СИЛЫ,**
ПОЛИЦИЯ | **ОХРАНЯЯ ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!**

А Н Т О Н

ЧШЖ

ТАЙНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрации в книге *Алексея Дурасова*

Чиж, Антон.

Ч-59 Тайные полномочия : роман / Антон Чиж. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (150 лет Российской сыскной полиции).

ISBN 978-5-699-90859-2

Россия готовится к первой Олимпиаде. На карту поставлена честь империи. Но именно в это время украдена Алмазная звезда Андрея Первозванного — высший орден государства. В краже замешаны те, кого сыщик Родион Ванзаров даже подозревать не мог! Расследуя это дело, Родион вынужден опасаться даже своего лучшего друга и напарника, великолепного криминалиста Аполлона Лебедева. Получая неограниченные полномочия от императора, Ванзаров готов пожертвовать всем, но исполнить свой долг!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90859-2

© Чиж А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Т очку на карте Везенбергского уезда Эстляндской губернии с названием Тапс и вспоминать не стоило, если бы не забавное обстоятельство: городок именовался в точности, как знаменитое селение к югу от Карфагена, у которого Цезарь в пух и прах разгромил Помпея, воюя за сердце царицы Клеопатры. К счастью, студеные ветры истории местных жителей обошли стороной. Городок вел мирную жизнь заштатной провинции бескрайней империи. Жители возделывали сады и огороды, ложились рано и вставали засветло, раскормленные свиньи бродили где им вздумается, телеги с сеном и картошкой встречались куда чаще приходского пастора и школьного учителя, а местные коровы славились жирностью молока. Такой, что сливки сами вставали густой шапкой над горлышком крынки. Жизнь в городке текла неторопливо и размеренно, как местное пиво. Дело у уездного полицейского исправника было немного, разве что разнять на праздник не в меру горячих эстляндских парней. От такой службы исправник толстел, краснел и рисковал не влезть в форменный кафтан.

Покой городка нарушали лишь свистки паровозов, прибывавших и отправлявшихся по расписанию. Тапс

был узловой станцией Балтийской железной дороги, через которую столичные поезда следовали или в Ригу, или в Дерпт. Станционный дом, сложенный из красного кирпича, был не больше дровяного сарая, но при нем имелась водокачка с поворотным рукавом и угольный тендер, чтобы пополнять запасы воды и топлива для паровозов. Кроме стола начальника станции в тесное помещение поместились столы телеграфиста и жандармского надзирателя. Для пассажиров, какие могли сюда заглянуть, места не осталось, так что лавку для них выставили на перроне, то есть на утоптанной полоске земли около рельсов.

Пассажиры на станции были редкими гостями. Местные жители передвигались все больше на телегах, а поезда проскакивали мимо, обдавая клубами пара и оглушая ревом свистка. Только раз в день состав останавливался на пару минут. С подножек соскакивали чистые господа, брезгливо осматривали станцию, возмущались отсутствием буфета, выкуривали папироски и бросали окурки прямо на пути, что сильно огорчало начальника станции Рюителя, обожавшего порядок во всем. Откровенно говоря, станция нужна была для того, чтобы обслуживать железнодорожную стрелку.

Командовал стрелкой (то есть несколько раз за сутки дергал поворотный рычаг вперед и назад) стрелочник Реэде. В городке он был знаменит тем, что мог заснуть в любом месте и в любое время суток. Стоило Реэде присесть в тихом уголке, как он тут же погружался в сладкую дрему. Начальнику станции Рюителю приходилось неусыпно следить, чтобы стрелочник не

проспал прибытие поезда и направляющиеся в Дерпт не оказались в Риге. Рюитель пинал Реэде в бок и прочие места до тех пор, пока тот окончательно не продира́л глаза. Такого соню на любой другой станции рассчитали бы в два счета, тем более что ему перевалило за шестьдесят, но Рюитель отчего-то не выгонял ленивого подчиненного. Стрелочника спасало от неминуемой пенсии то, что на станции, кроме него, других развлечений не было. Реэде спал при каждом удобном случае, а начальник Рюитель нещадно будил его строго в соответствии с расписанием поездов. Сколько держался такой порядок, никто уже и не помнил. Но держался он крепко.

За час до полуночи 15 марта 1896 года Реэде спал с чистой совестью в станционном доме. Дневные поезда проследовали в нужном направлении, о чем позаботились начальник Рюитель и его крепкий кулак, а ближайшие ожидалось не ранее шести часов утра. Допив свежесваренный кофе, начальник Рюитель взглянул на часы, которые отбивали каждые полчаса хриплым ударом маятника, сверился с карманным хронометром (носил его на толстенной цепочке, чтобы все в городе знали, какой он важный человек!), и окончательно убедился, что делать на станции сегодня больше нечего. А тут еще Реэде принялся посапывать с поросычьим присвистом, отчего захотелось вылить на него графин воды. Начальник Рюитель одарил стрелочника презрительным взглядом, от которого тот должен был растаять, как воск, приятно потянулся всем телом и уже нацепил

форменную фуражку, как ни с того ни с сего ожил телеграфный аппарат.

Начальник Рюитель уволил телеграфиста, чтобы добавлять к скромному жалованью лишнюю копейку, а потому сам подхватил бумажную ленточку, выползавшую из вертящегося колеса. Сообщение было кратким, строгим, требовавшим строжайшего исполнения и, что самое главное, срочным. В конце вылезла подпись, от которой начальника Рюителя бросило в пот. Депешу на заштатную станцию прислал сам директор Балтийской железной дороги. Это было столь невероятно, что начальник Рюитель усомнился в своем знании русского языка и даже перепроверил по словарю. Словарь подтвердил, что смысл понят им верно. За исключением адресата, в телеграмме не было ничего необыкновенного: предписывалось направить состав, следовавший от станции Юрьев к станции Везенберг. Поезд сверх расписания был именован экстренным и двойным литерным, то есть наивысшей степени важности. Важнее мог быть только поезд, перевозивший императорскую фамилию. Пытаясь догадаться, что бы это значило, начальник Рюитель взглянул на часы и уже испугался не на шутку. До подхода литерного оставалось три минуты, а стрелка все еще не была переведена.

Реэде получил такой удар, от которого не только проснулся, но вскочил сразу. Начальник Рюитель крикнул ему: «Бегом!» — и сам побежал в ночь. Таким взволнованным Реэде его никогда не видел. И хоть не привык он торопиться, что-то подсказало, что сейчас надо ше-

велиться без лишних вопросов. Стрелочник припустил, но нагнал начальника около стрелки.

— Что случилось, господин Рюитель? — спросил Реэде, берясь за рычаг, который никак не поддавался начальнику. — Поездов нет до утра. Или уже утро? Неужели я столько проспал?

— Переводи на третий путь, Реэде! — закричал Рюитель, дергая рычаг изо всех сил.

Стрелка, застрявшая в самый неподходящий момент, наконец скрипнула и сдвинула рельсы в нужную развилку. Схватив стрелочника за шиворот, начальник Рюитель оттащил его в сторону. И очень вовремя.

Из тьмы в облаке пара вылетел стальной таран паровоза, как сказочное чудовище, вырвавшееся из векового плена и ревом оглашающее свое освобождение. За ним неслись вагоны. Было их всего два, и каждый горел таким ярким освещением, как будто внутри пылало светило. Последний, третий, вагон пролетел черной тенью. Поезд шел на предельной скорости, не меньше пятидесяти километров в час, мелькнул стремительным призраком и прощальный гудок послал издалека. После него еще долго носился ветер и поднятый сор.

Начальник Рюитель молчал. Молчал и стрелочник Реэде, которому даже расхотелось спать. Оба боялись шевельнуться, словно не могли оправиться от впечатления, которым наградил скромных служащих полуночный экспресс.

— Что это было, Реэде? — наконец проговорил начальник Рюитель, рассматривая темноту над путями, блестящими полировкой рельс.

— Не знаю, господин Рюитель, — ответил стрелочник. — Я всего лишь стрелочник. Как нам понять?

— Сколько было вагонов, Реэде?

— Очень короткий поезд. Один пассажирский класса люкс, другой вагон-ресторан, господин Рюитель. Багажный вагон я не стал считать.

— Правильно, Реэде. Очень короткий экспресс. Такого я никогда не видел.

— Я тоже, — согласился Реэде. — Чего не придумают в столице.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, Реэде? — спросил начальник Рюитель, разглядывая темноту. — Ты что-нибудь увидел?

— Не знаю, что я видел, господин Рюитель. Наверное, я ничего не видел. Наверное, я еще не проснулся. Да, так и есть, я еще не проснулся. Мне все привиделось.

— Говори, что ты видел. Я тебе приказываю, — потребовал начальник Рюитель и ткнул стрелочника в бок. — Что ты видел в окне?

— Я видел, что окно в одном купе было раскрыто. Только одно из всего вагона. Вот что я видел.

— Этого мало, Реэде, ты так просто не отвертись. Что ты видел в окне поезда?

Стрелочник замялся, так не хотелось ему вспомнить о том, что привиделось. Наверняка это обман зрения, какой иногда случается на железной дороге, когда поезд очень быстро едет. Начальник Рюитель был непреклонен и строго потребовал ответа.

— Хорошо, я скажу вам, господин Рюитель, даже ес-

ли вы будете смеяться и потом расскажете всему городу, что старый Реэде сошел с ума.

— Я не буду смеяться над тобой, Реэде. Даю тебе слово.

— Тогда слушайте... В раскрытом окне я увидел человека, раскаленного, как паровозная топка, он пылал ярким пламенем, как стог сена. И так размахивал руками, как будто хотел утащить за собой в преисподнюю...

Реэде закрыл глаза, и странная картина опять предстала ему во всей яви. Что делал этот горящий человек? Почему он хотел утащить за собой бедного стрелочника? Человек ли это был? Реэде поехал, хотя чувствовал жар, и на всякий случай перекрестился. Утром он сходит к пастору, исповедуется в грехах и поставит свечку. Давно не ходил в церковь, вот и получил наказание.

— А вы что видели, господин Рюйтель?

На этот вопрос начальник станции не мог ответить самому себе. То, что он увидел, было столь удивительно, что признаться в этом было невозможно. Он же не какой-нибудь крестьянин с хутора, который верит в разные глупости, он человек солидный, уважаемый. Нет, он ничего не видел. Просто поезд слишком быстро проехал.

Сколько бы начальник Рюйтель ни убеждал себя, что ему только показалось, перед глазами упрямо вставало лицо того человека из окна. Хотя лица не было. Вместо него — пунцовая, натужная маска с выпученными глазами и разорванным ртом, какой не может быть у живого человека. Не бывает такого. Нет, это всего лишь суете-

рия. Им не место на железнодорожной станции в конце просвещенного девятнадцатого века. Ничего не было. Он всего лишь пропустил экстренный литерный в направлении станции Везенберг.

Начальник Рюитель прикрикнул на стрелочника и пошел к станционному дому. Возвращаться в свой дом ему расхотелось. Наглая рожа корчилась и не отставала. А руки так и тянулись к начальнику Рюителю из раскаленного окна. Словно и в самом деле хотели утащить за собой.

Санкт—Петербург
Главный Варшавский вокзал
Варшавская ж/д

• 1 •

За окном раскисал март. Снег превратился в черную грязь, которую размешивали колеса пролеток, калоши пешеходов и метелки дворников. С крыш капало. От карнизов отрывались куски льдин, разбиваясь с гулким хлопком, отчего вздрагивали стоявшие лошади, а извозчики умирляли их, дергая за вожжи и сдабривая это непечатными словечками на всю улицу. Весна стучалась во все двери. Великий пост подходил к концу, оставалось говеть меньше двух недель. Столица империи так соскучилась по теплу и веселью, так устала от зимы и ранней оттепели, что считала деньки до 24 марта, когда можно будет отмечать Пасху и вознаградить себя за лишения поста.

Осмотрев сырой проспект, Анатолий Граве отпустил штору и улыбнулся. Нельзя сказать, что он любил это время года. Трудно любить сырость, которая проникает под одежду, оборачиваясь потом долгим насморком, знакомым каждому столичному жителю. Да и развлечений для молодого человека явно недостаточно: все театры, кроме Французской оперы, закрыты, балетов нет, концертов нет — тоска и скука. И все равно у Граве сегодня было отличное настроение. Он ощущал себя велико-

лепной статуей из мышц и молодых, здоровых костей. Статуя эта была одета в новенький костюм, пошитый у модного петербургского портного: игривая жилетка, строгие формы сюртука и брильянтовая булавка в галстук. Граве знал, что выглядит не просто отлично, а «сногшибательно», так, что дамам глаз не отвести, и принимал восторженные взгляды как должное. В конце концов, для чего еще нужны двадцать пять лет, как не для того, чтобы блистать беззаботно?

Куда важнее отличной формы, которую он старательно поддерживал, были успехи не столь заметные. Проведя три часа после завтрака за карточным столом, Граве положил в портмоне пять десятирублевых бумажек. Не сказать, чтобы выигрыш был большой, а если еще честнее — достаточно скромный. Важнее другое: Граве сумел наказать одного зарвавшегося господина, который хвалился, что всегда выигрывает. Теперь господин этот краснел, но сделать ничего не мог. Граве еще и пожалел его. Надо было посадить рублей эдак на триста. Но ничего, никуда не денется. Сам норовит в капкан. Наверняка предложит матч-реванш.

Так и случилось. Подойдя к Граве и пахнув дешевым сигарным духом, господин изъявил желание отыгаться не позже чем завтра. Ставки будут не по рублю, а по червонцу. А если мало, так он и на сто рублей согласен. Граве выразил полную готовность быть к услугам резвого господина. На чем и расстались. Господин отправился в буфет заливать проигрыш, а Граве спустился в гардероб клуба, получил свое модное пальто и вышел на Вознесенский проспект. В него вцепился холодный

ветер, под ногами захлупало, но все это была такая, в сущности, мелочь, что Граве опять улыбнулся.

С улыбкой он обернулся, услышав свое имя. Перед ним стоял невысокий господин в скромном, но чистом пальто, довольно почтенного возраста. С первого взгляда Граве, как опытный игрок, отметит жесткие, обтесанные черты лица, резкий, неприятный взгляд и английское кепи вместо приличной шляпы или цилиндра. Он не смог бы определить, сколько лет незнакомцу: где-то в промежутке от сорока до семидесяти. В одном Граве был уверен: общих знакомых у них нет и быть не может. Ему отчего-то сразу захотелось не иметь с этим господином дела, каким бы оно ни было. Лучше всего — расстаться сразу и навсегда.

Между тем незнакомец приподнял кепи, назвался Семеном Пантелеевичем, забыв, впрочем, упомянуть фамилию, и сообщил, что обратиться к нему рекомендовал близкий знакомый. Услышав, от кого пришел «забавный старичок», как про себя назвал Граве этого господина, он смягчился, спросил, чем может быть полезен, и вернул улыбку. Семен Пантелеевич, заверил, что дело совершенно пустяковое, но не стоит торчать посреди улицы да в такую «непогоду», того гляди, схватить простуду. Он предложил заглянуть в ближайшую «Мальту», и хоть Граве не очень любил простые заведения, но отказаться было неловко.

В ресторане, которым именовали трактир с крепкими напитками, Семен Пантелеевич предложил отобедать от души, но обедать раньше десяти вечера было совершенно немыслимо, особенно с водкой. Граве вежливо отказался, согласившись на чай. Он заметил,